

Н. Малышев

**Обычное семейное право
киргизов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Мальшев**
Обычное семейное право киргизов / Н. Мальшев – М.: Книга по Требованию,
2021. – 104 с.

ISBN 978-5-458-15021-7

ISBN 978-5-458-15021-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ловныя дѣла въ степи сопровождаются присягами, хотя-бы доказательства правоты одной стороны были на лицо. Признакомъ отсталости является и то, что право киргизовъ отвергаетъ наказаніе за преступленіе и допускаетъ только вознагражденіе потерцѣвшей сторонѣ.

Загѣмъ „кунъ“, цѣна крови, существовалъ въ старомъ обычномъ правѣ всѣхъ европейскихъ народовъ. Цѣнѣ крови отведено особенно почетное мѣсто въ „Правдѣ“ Ярослава, въ которой, какъ теперь у киргизъ, подробно опредѣляется плата за смерть почетнаго лица, простого человѣка, за увѣчье, выбитый зубъ, порчу членовъ и т. д.

Такое мало развитое, несоотвѣтствующее современнымъ воззрѣніямъ на право людей образованныхъ—киргизское обычное право сложилось подѣ вліяніемъ своеобразныхъ условій ихъ кочевого быта, родового устройства, вслѣдствіе слабаго развитія у нихъ культуры, образованія и т. п. Присутствіе внѣшняго посторонняго вліянія если и сказывается въ этомъ правѣ, то оно не глубоко и скорѣе выражается отрицательнымъ образомъ. Внѣшнія вліянія, изъ которыхъ главными нужно считать вліяніе магометанской религіи и русскаго закона, способствовали лишь, вмѣстѣ съ измѣнившимися условіями жизни, колебанію прочно установившагося правового порядка, внося въ него очень не много созидающихъ началъ.

Исслѣдователямъ исторіи киргизъ не удалось установить время принятія киргизами магометанства, но можно по многимъ даннымъ предполагать, что распространеніе этой религіи началось среди нихъ не ранѣе конца XVI или начала XVII вѣка нашей эры, слѣдовательно не очень давно. Но, чтобы вполнѣ понять сравнительную ничтожность вліянія магометанства на обычное право киргизъ, необходимо упомянуть объ отличительной чертѣ этого народа, это объ удивительномъ индифферентизмѣ его къ религіи. Правда, теперь, благодаря болѣе живымъ и тѣснымъ связямъ киргизъ съ мусульманами-фапатиками, замѣтно усиливается въ степи вліяніе муллъ, чѣмъ и объясняются тѣ заимствованія изъ шаріата, которыя замѣчаются въ современномъ правѣ киргизъ. Съ развитіемъ грамотности въ степи, къ сожалѣнію, грамотности только мусульманской, большее число лицъ знакомится съ кораномъ и его правовыми воззрѣніями, съ

шариатомъ и вотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже проявляется вліяніе послѣдняго.

По установившемуся мнѣнію принято думать, что шариатъ есть сводъ мусульманскихъ законовъ. Но никакого свода мусульманскихъ законовъ нѣтъ, и безчисленныя книги шариата писаны нѣсколько вѣковъ тому назадъ и не въ видѣ закона, а въ видѣ сочиненій юридическаго характера. Мусульманское право основывается на текстѣ корана и на суннѣ—изустныхъ преданіяхъ, сочиненіемъ которыхъ съ большимъ усердіемъ занимались первые асхабы, занимаются и до сего времени разные ишаны и сами казіи. Еще въ первые вѣка мусульманства такихъ преданій набиралось до полмилліона. Вотъ основной матеріалъ шариата; матеріалъ, созданный и создаваемый восточной фантазіей, часто подвліяніемъ подходящаго случая или личнаго аффекта. По этому весьма естественно, что шариатъ не представляетъ изъ себя чего бы обязательнаго, яснаго, и даже сборникъ шариатныхъ постановленій, извѣстный подъ названіемъ „Хидая“, есть только комментаріи мусульманскаго права, сборникъ чего-то, въ родѣ сенатскихъ разъясненій и толкованій, составленный по ученіямъ четырехъ главныхъ имамовъ, не считая нѣсколькихъ второстепенныхъ.

Усиленіе шариата среди киргизъ въ высшей степен нежелательно. Адагъ, народный обычай, есть продуктъ народнаго творчества, продуктъ жизненный и способный къ улучшенію и прогрессу при дальнѣйшемъ развитіи народнаго кругозора; самые плохіе обычаи подвліяніемъ умственнаго и нравственнаго развитія исчезнуть, исчезнуть безъ всякаго насилія. Шариатъ, имѣя основой неподвижный коранъ, заключающій въ себѣ альфу и омегу мусульманской мудрости, есть матеріалъ мертвый, ни къ развитію, ни къ уступкѣ неспособный, а къ тому же непримримо враждебный гяуру, т. е. всякому христіанину. Помимо усиленія фанатизма коранъ влечетъ за собой косность, которой отличаются всѣ мусульмане.

Конечно, прежде всего вліяніе шариата должно отразиться на дѣлахъ брачныхъ, ибо бракъ совершается при посредствѣ муллъ, носителей мусульманской идеи. Обстоятельство это констатировано и Государственнымъ Совѣтомъ, въ мотивахъ котораго къ изданію Степнаго Положенія, меж-

ду прочимъ, упомянуто, что муллы „обнаруживаютъ стремленіе разбирать брачныя и семейныя дѣла, руководствуясь при этомъ не обычаями народа, а шаріатомъ“. А у Гродкова замѣчено, что нѣкоторые бѣи въ своихъ дѣлахъ руководствуются уже шаріатомъ, говоря: „мы рабы шаріата, за адатъ не стоимъ“ (шаріатка кулмыз адатка таласпаймыз).

Однако въ своихъ основныхъ чертахъ обычное киргизское право незыблемо, существуетъ съ самыхъ давнихъ временъ и носить на себѣ явные слѣды самостоятельно сложившагося порядка—продукта тѣхъ условій жизни, въ которыхъ цѣлыя столѣтія находился киргизскій народъ.

✓ Какъ въ своей домашней жизни киргизы не соблюдаютъ предписаній корана, допуская сравнительно большую свободу для женщинъ, которыя никогда, напр., не закрываютъ своего лица, какъ это требуется правовѣрными, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ они руководствуются гораздо больше своими древними обычаями, носящими на себѣ слѣды древняго родового устройства и древнихъ религіозныхъ возрѣній, господствовавшихъ у киргизъ до принятія магометанства. Обычное право киргизъ живетъ въ памяти народа, выраженное въ многочисленныхъ юридическихъ пословицахъ, обиліе которыхъ поражаетъ всякаго.

Русское вліяніе на обычное право киргизъ также не отличается своею силою. Непосредственное вліяніе русскихъ порядковъ на складъ жизни киргизъ началось очень недавно, напр., въ Малой Ордѣ—лишь съ 1868 года.—Въ такое короткое время даже очень крутая ломка не можетъ пересоздать вѣками сложившіяся и приспособленные къ потребностямъ жизни общественный строй народа, не можетъ изгладить характерныхъ чертъ этого строя. Русское-же вліяніе въ стени до сихъ поръ было совершенно чуждо ломкѣ вѣковыхъ устоевъ народной жизни. До 1868 г. въ Малой Ордѣ киргизы были совершенно независимы въ своей внутренней жизни отъ вліянія русскаго закона. Въ нѣкоторыхъ областяхъ правовой жизни не киргизы, а русскіе приспособлялись къ юридическимъ возрѣніямъ киргизъ. Такъ, напр, само правительство въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія узаконило баранту противъ киргизъ, какъ лучшее средство для воздѣйствія на кочевника. Съ времени введенія въ дѣйствіе „Временнаго Положенія объ управленіи во об-

ластях Уральской, Тургайской, Акмолинской, и Семипалатинской“ 1868 г. русское влияние, конечно, усилилось но, тѣмъ не менѣе самая обширная область правовой жизни киргизъ осталась неприкосновенною. Только важныя уголовныя преступленія киргизъ, какъ убійство, грабежь, разбой и т. п., судятся по русскимъ законамъ; всѣ-же гражданскія дѣла между киргизами, а также нѣкоторыя уголовныя преступленія, включая сюда и кражи, разбираются народнымъ судомъ биевъ.

Но если нѣтъ прямого пути, посредствомъ котораго отражалось-бы влияние корана и русскаго закона на обычномъ правѣ киргизъ, то изъ этого еще нельзя дѣлать заключенія о полномъ отсутствіи такого влияния. Оно существуетъ благодаря тому, что обычное право киргизъ, сложившееся при другихъ условіяхъ народной жизни, часто совершенно не соотвѣтствуетъ требованіямъ современнымъ. Благодаря этому многія положенія древняго обычнаго права начинаютъ забываться и бш или народные судьи киргизъ вынуждены бывають заимствовать свои правовыя положенія изъ другихъ источниковъ, т. е. главнымъ образомъ изъ шариата, а отчасти и изъ русскихъ законовъ.

Общій характеръ брака.

Бракъ — одинъ изъ главныхъ показателей общественно-юридическаго развитія. Мы встрѣчаемъ поэтому на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія самыя разнообразныя виды брака. Существовала форма брака, при которой не женщина подчинялась, мужу, а мужъ подчинился, правда, не женѣ, но семьѣ жены. Какимъ-бы страннымъ ни казалось такое явленіе, оно все-же свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ развитіи сравнительно съ беспорядочнымъ половымъ общеніемъ (гетеризмомъ), которое господствовало до этого, и многіе слѣды котораго сохранились въ позднѣйшее время; главнымъ образомъ, въ видѣ *jus primae noctis*, удостовѣреннаго у различныхъ народовъ. Эта несовершенная форма брака соотвѣтствуетъ началамъ материнскаго права, по которому связь ребенка съ отцемъ не имѣетъ юридическаго значенія и таковое признается лишь за отношеніями между

матерью и ребенкомъ. Поэтому за отцомъ не признается никакихъ правъ на его дѣтей—дѣти принадлежатъ матери и материнской семьѣ. Такой обычай не составляетъ особенноти только отдѣльныхъ племенъ, а встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта. Это всеобщее явленіе. При такомъ положеніи дѣла прогрессомъ приходится считать даже простое признаніе фактическаго отношенія отца къ дѣтямъ: право еще не обращаетъ вниманія на зачатіе, а лишь на рожденіе, но чисто естественныя отношенія понемногу получаютъ, благодаря этому признанію, нравственное значеніе, и отецъ начинаетъ занимать въ семьѣ то положеніе, которое надлежитъ ему въ силу того, что ребенокъ есть плоть и кровь отъ его плоти и крови, что не только мать, но и отецъ продолжаетъ свое существованіе въ ребенкѣ. Но прежде чѣмъ завершилось это развитіе идей, право прошло рядъ промежуточныхъ стадій. Одной изъ наиболѣе существенныхъ переходныхъ ступеней былъ бракъ съ установленіемъ власти мужа надъ женою (*manus, mundium*). До насъ дошли извѣстія о томъ, что нѣкогда въ Римѣ жена подпадала подъ власть мужа (*manus*, т. е. поступала въ положеніе подвластной дочери). Это подвластное положеніе жены было лишь смягченной формой прежняго рабскаго подчиненія ея, которое первоначально было настолько полнымъ, что послѣ смерти мужа жена, какъ часть наслѣдственнаго имущества, переходила по наслѣдству къ братьямъ мужа и даже къ его сыновьямъ, хотя, конечно, лишь къ сыновьямъ отъ другой жены.

Такое рабское положеніе женщины было слѣдствіемъ первобытныхъ формъ брака—*умычки* и развившейся изъ нея *покутки* жены. Подобно тому, какъ насиліемъ добывали рабовъ, добывали также и женъ-рабынь. Первоначально похищеніе вело къ кровавымъ столкновеніямъ, и вотъ почему установился обычай брать жену изъ далека, изъ другого племени, изъ другой мѣстности. Умычку мы встрѣчаемъ въ народныхъ обычаяхъ почти всѣхъ странъ; едва-ли какой-либо другой юридическій обычай болѣе распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Съ притворнымъ насиліемъ похищаютъ жену изъ отцовскаго дома, изъ подъ крова ея матери, вваливаютъ ее на лошади и увозятъ; при этомъ происходитъ дѣйствительная или притворная борьба, при которой

много шумять и бранятся, а иногда и сражаются. Даже у римлянъ и германцевъ встрѣчались подобные обычаи. Добыть себѣ жену силой и оружіемъ кажется настолько естественнымъ, что безъ этой формы не считаютъ возможнымъ обходиться. Умычка у киргизъ иногда практикуется и въ настоящее время. Явные-же слѣды ея проявляются въ той борьбѣ (тартысь), которую ведутъ между собою сторонники жениха и невѣсты въ первый его прїѣздъ къ ней (см. обычаи при сватовствѣ).

Впослѣдствіи умычка жены превратилась въ покупку ея. Уже при дѣйствительномъ похищеніи дѣло могло кончиться миромъ, когда вступали въ соглашеніе съ семьей жены и уступали ей, въ видѣ выкупа, цѣнность женщины или другую женщину взаменъ ея. Но по мѣрѣ того, какъ умычка обращалась въ символическій обрядъ, покупка все болѣе и болѣе прививалась, пока не сдѣлалась наконецъ обычной формой брака. Раньше похищали жену и затѣмъ уже вступали въ соглашеніе съ ея семьей, — теперь-же съ самаго начала договаривались о продажѣ невѣсты. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сохранились различные странные обычаи, указывающіе на то, что нѣкогда на сватовство смотрѣли какъ на враждебное дѣйствіе или на вызовъ. Этимъ объясняется, напр., обычай по нѣскольку разъ выпроваживать сватающаго, или показывать ему вмѣсто невѣсты старуху. Упомянутые мною ниже киргизскіе обычаи при сватовствѣ говорятъ о томъ-же самомъ. Покупка жены также чрезвычайно распространенное явленіе. Смѣло можно утверждать, что нѣтъ культурнаго народа, у котораго позднѣйшая форма брака не развилась-бы изъ купли. На этой стадіи развитія бракъ находится еще у всѣхъ монгольскихъ народовъ. въ томъ числѣ и у киргизъ. Женитьба у киргизъ является обыкновенной *сдѣлкой*, а бракъ не таинствомъ, а гражданскимъ договоромъ купли-продажи, такъ-какъ главнымъ его условіемъ является плата за невѣсту калыма. Сдѣлка эта, пока женихъ не уплатитъ всего калыма, выгодна для родителей невѣсты, такъ-какъ даетъ имъ право предъявлять къ нему разныя требованія. Но за то киргизъ послѣ становится полновластнымъ господиномъ, безконтрольно распоряжается имуществомъ и волей своей молодой жены, которая низводится почти на степень рабыни и безъ ропота и

возраженій подчиняется волѣ мужа и всѣмъ его требованіямъ и желаніямъ, какого-бы они характера ни были.

Такимъ образомъ бракъ у киргизъ по своему заключенію является сдѣлкой—выгодной только для мужа.

Другія черты брачнаго союза и его юридическія послѣдствія будутъ указаны мною попутно въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ моей работы.

Положеніе киргизской женщины.

Непросвѣщенный, не культурный человѣкъ, вслѣдствіе скудости своего умственного развитія, имѣетъ возможность достигнуть превосходства надъ кѣмъ-либо только путемъ грубой физической силы. Его вниманіе обращается, конечно на тѣхъ, кто слабѣе его, и отъ нихъ онъ старается пріобрѣсти себѣ уваженіе. Подъ уваженіемъ же онъ разумѣетъ страхъ. Своимъ кулакомъ онъ заставляетъ уважать себя всѣхъ, кто слабѣе его. Въ этомъ заключается причина приниженнаго положенія женщины у всѣхъ первобытныхъ племенъ. Съ теченіемъ времени, когда умственные силы народа и отдѣльныхъ личностей начинаютъ развиваться, тогда уваженіе къ сильному кулаку начинаетъ смѣняться уваженіемъ къ сильному уму. Въ то время, какъ грубый варваръ гнететъ и давитъ все, что слабѣе его, человѣкъ—просвѣщенный знаніемъ, питаетъ безграничное снисхожденіе ко всему слабому и немощному, онъ заботится о томъ, чтобы того, кто слабѣе его, возвысить до своего положенія.

Благодаря такому значенію умственной силы, смѣнившей преобладаніе силы физической, завоевывается то положеніе женщины, какимъ она по праву должна пользоваться у современныхъ образованныхъ народовъ.

Жалкое-же, тяжелое положеніе киргизской женщины, въ которомъ, какъ мы увидимъ, она находится, доказываетъ только печальное состояніе киргизскаго народа, погруженнаго во мракъ невѣжества и темноты.

Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что каждая киргизская семья обязана своимъ происхожденіемъ акту произвола, дѣйствию чужой воли, помимо всякаго желанія лицъ, которымъ приходится вступать между собою въ бракъ.

Можно себѣ представить, какая создается почва для всякаго рода семейныхъ неурядицъ при дѣйствиі такихъ условій брачнаго права. Но вся тяжесть несчастныхъ послѣдствій неизбѣжно прежде всего и больше всего падаетъ на женщину, какъ на существо слабѣйшее и потому, какъ у всѣхъ некультурныхъ народовъ, безгласное и безправное.

Киргизская женщина безправное существо даже не личность, а что то безличное. Все назначеніе ея состоитъ въ служеніи тому, кто избралъ, вѣрнѣе, взялъ ее себѣ въ жены. Не отъ ея воли зависитъ устройство ея будущности, ея судьбы, а — отъ воли господина, которымъ до замужества является отецъ, а послѣ мужъ. Не видится ли въ такомъ ея положеніи глубокой трагизмъ, вдумываясь въ который, приходишь къ заключенію, что тутъ нѣтъ ни малѣйшей доли человѣческаго счастья, что тутъ одно только горе, скрытое, подавленное горе, которое дѣлаетъ киргизку покорной рабой своему господину. Жизнь ея въ замужествѣ есть ничто иное, какъ вѣчный гнетъ, слѣпая покорность мужу, своему полноправному господину. }

✓ Киргизы усвоили себѣ воззрѣніе на женщинъ не какъ на существа разумныя, одаренныя такъ же, какъ мужчины, тѣломъ и душой, въ груди которыхъ тоже бьется человѣческое сердце, а какъ на существа низшія, сотворенныя Аллахомъ для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. По понятіямъ киргизъ женщины живутъ исключительно для размноженія человѣческаго рода. Поэтому тѣ изъ нихъ, которыя много рожаютъ дѣтей, заслуживаютъ и болѣе ласковаго обращенія, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ дѣти не родятся. Послѣднія презираются и имъ приходится оплакивать злую судьбу и просить Аллаха, чтобы онъ далъ имъ дѣтей. Въ общемъ воззрѣніе киргизъ на женщину проникнуто крайнимъ недоверіемъ и пренебреженіемъ. „Не вѣрь дома женѣ, а въ полѣ коню“; „у собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности“; „лягушка безъ хвоста, женщина безъ ума“ и пр — гласятъ киргизскія пословицы. Пренебреженіе киргиза къ женщинѣ низводитъ ее на стеньгу вещи. По обычаямъ киргизъ женщина составляетъ предметъ купли — продажи. Запродается она родителями въ первые года своей жизни, и послѣ уплаты калыма становится имуществомъ того, кто купилъ ее. Никакія послѣдующія обстоятельства: болѣзнь,

уродство и даже смерть жениха не избавляют женщину от кабалы, созданной для нея расчетами ея родителей. Не смотря на физическіе недостатки жениха, на его дряхлость, порочное поведеніе и т. п. запроданная женщина не имѣетъ права уклониться отъ брачнаго союза съ нимъ; а по смерти жениха, до или послѣ брака, она переходитъ въ пользованіе брата или другого ближайшаго родственника покойнаго, какъ вещь. Нужно ли говорить, что женщина обязана исполнять всё, даже самыя дикія прихоти своего мужа, иначе ей придется подвергнуться истязаніямъ безъ конца. „Я могу бить свою жену, сколько мнѣ угодно, а если убью, то заплачу кунъ“, говоритъ киргизская поговорка.]

Печальная участь киргизской женщины начинается съ того момента, когда она появляется на свѣтъ Божій невиннымъ существомъ. Если у киргизъ родятся дочери, то это значить, что у нихъ появляется въ рукахъ живой товаръ, который нужно прибыльно сбыть. „Слава Богу и у насъ есть красная шерсть“, говорятъ киргизы при рожденіи дѣвочекъ. Хотя невинные младенцы въ колыбели не могутъ еще мечтать о женихахъ, но родители ихъ день ото дня ждуть сватовъ, конечно, отъ богатыхъ жениховъ, чтобы выгодно совершить человѣческой торгъ. Будь женихъ младенецъ,—торгъ непременно состоится, лишь былъ-бы предложенъ богатый калымъ. Если нѣтъ жениха младенца,—вотъ сластолюбивый богачъ-старичекъ ищетъ себѣ невѣсту. Состояніе есть, значить найдутся и дѣвушки-невѣсты, изъ которыхъ надо выбрать самую красивую; или вотъ еще богачъ,—онъ не довольствуется одной, двумя и даже тремя женами и сватаетъ себѣ новую. Не даромъ говоритъ киргизская пословица: „если киргизъ богатѣетъ, то онъ приобрѣтаетъ женъ, а если русскій—то онъ обзаводится домомъ“. Вѣдныя киргизки, повинуваясь родительской волѣ, безпрекословно должны выходить и за младенцевъ и за стариковъ, вообще за кого заблагоразсудится старшимъ. Онѣ не высказываютъ своимъ родителямъ несогласія,—это бесполезно, ибо послѣдніе, по словамъ пѣсни, „глухи и нѣмы и жадны“. Несчастныя киргизки оплакиваютъ свое горе и поютъ, часто обращаясь къ Богу:

„Творецъ, Ты сотворилъ всѣхъ людей

И разсѣялъ ихъ по лицу земли.

Ты далъ болѣе мужчинамъ силы физической,
Ты имъ подчинилъ насъ, женщинъ.

Творецъ, нѣтъ Твоимъ милостямъ предѣловъ,
Нѣтъ пристрастiя въ справедливости Твоей!
Но гдѣ великiя Твои милости?
Гдѣ Твоя Божеская справедливость?

Насъ женщинъ презираютъ,
Насъ женщинъ продаютъ.
О, Творецъ, умилосердись надъ нами,
Защити насъ, дай намъ силы!“

Между тѣмъ мечты ихъ направлены къ любимому человеку, къ молодому джигиту:

„Охъ, воля, куда ты скрылась?
Посѣти ты насъ случайно,
Тогда мы будемъ счастливы,
Выбравъ себѣ жениха по желанiю,
Охъ, дали-бы намъ жениха,
Войдя въ наше положенiе;
И мы были бы счастливы,
Когда дали-бы намъ достойнаго жениха“.

Но

„Родители наши глухи и нѣмы,
Они не спрашиваютъ насъ,
Кого мы любимъ,
И не видятъ нашихъ слезъ“.

— „Тебя продаютъ родители:
Имъ нуженъ калымъ,
Перестань горевать и печалиться,
Не плачь, не плачь бикемъ!“ (Уменьшительное ласкательное имя—въ родѣ „дѣвочка“).

Киргизская женщина, попавшая въ несчастный подневольный бракъ, любить выражать въ пѣсняхъ тяжелые случаи своей жизни. Пѣсни эти печальны и безотрадны подобно самой жизни.

„Бьетъ меня мужъ.
Бьетъ меня свекоръ,
Бьетъ меня свекровь,
Чѣмъ жить такъ
Лучше я умру“.